

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА В РАКЕТНОЙ ТЕХНИКЕ: УСПЕХИ, РАЗНОГЛАСИЯ, КОНФЛИКТЫ

Вячеслав Фёдорович Рахманин,
Лауреат Государственной премии СССР, к.т.н.

(Продолжение. Начало в 4 - 2015)

КРИМИНАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ГЛУШКО И КОРОЛЁВА

Летом 1937 г. был арестован, осуждён и расстрелян идеолог ракетного вооружения, организатор РНИИ маршал М.Н. Тухачевский. Ему инкриминировали заговор против руководства партии

Маршал М.Н. Тухачевский

и государства, а также создание антисоветской троцкистской организации. Далее события последовали по отработанной технологии: если "главарь" выявлен и обезврежен, то необходимо "обрубить хвост" - выявить остальных членов преступной организации. Так в поле зрения бдительных органов НКВД попали руководители опекаемого Тухачевским НИИ-3 (бывший РНИИ) - директор И.Т. Клейменов и главный инженер Г.Э. Лангемак.

Существует несколько версий причины их ареста, но не будем их исследовать. Для нашего изложения событий достаточно самого

факта их ареста в начале ноября 1937 г., последовавших за ним допросов, принуждающих признать надуманную следователями вину, и внесудебного решения без прокурора и адвоката о расстреле в начале января 1938 г. Типичная история для того времени. Но для меня остаётся неясным один момент из этой трагедии: почему оба подследственных независимо друг от друга назвали своими "сообщниками" по вредительской организации из всего состава НИИ-3 одних и тех же двух человек? В следственных протоколах указаны фамилии Глушко и Королёва. Такой выбор "сообщников" вызывает у меня некоторое недоумение. Если применением физического насилия в ходе допроса следователь вынуждает назвать мифического сообщника, то вероятнее всего будет названа фамилия человека, к которому имеется неприязнь или какие-либо личные претензии. В этом случае на роль такого "сообщника" подходил Королёв, с которым у Клейменова и Лангемака не складывались отношения. Но Глушко? С Клейменовым он никогда не конфликтовал, более того, Клейменов всегда поддерживал Глушко в его разногласиях по научно-техническим вопросам с бывшими работниками ГИРД. Лангемак и Глушко были друзья по жизни. Так что следовало бы ожидать, что вместо Глушко будет назван кто-нибудь другой из числа ведущих работников института, фамилию, даже для примера, называть считаю кощунственным. Это обстоятельство позволяет считать, что кандидатуры для последующего ареста были названы Клейменовым и Лангемаком по "подсказке" следователей и закреплены подписанием прото-

кола допроса в результате физического воздействия. Об этом свидетельствует протокол допроса Лангемака, в котором следователь задаёт вопросы с высокой степенью знания подробностей в работе института и, в частности, научно-производственной деятельности Глушко. Такая осведомлённость могла быть только у работников НИИ-3, имеющих обширную информацию о выполнении тематических работ в институте. Нужные сведения следователи могли почерпнуть из писем работников института в различные партийные и государственные органы с критикой работы руководства НИИ-3. Наиболее информативным и пригодным для использования в работе следователей могло быть письмо Костикова, переданное им в апреле 1937 г. в ЦК ВКП(б), которое затем попало в органы НКВД и было приобщено следователем к делу на арестованного Глушко. Хотя существует ряд публикаций о якобы непричастности Костикова к арестам сотрудников НИИ-3, в то же время имеются неопровержимые, на мой взгляд, документы, опровергающие это утверждение.

О роли Костикова в арестах Клейменова, Лангемака и Глушко красноречиво свидетельствуют протоколы его допросов, когда в марте 1944 г. он был арестован за срыв сроков разработки обещанного лично И.В. Сталину реактивного самолёта-перехватчика - проект "302". В те времена такие "результаты" создания боевой техники рассматривались не только как техническая несостоятельность, но и как возможное вредительство. В связи с этим следователь допрашивал Костикова о его работе в НИИ-3 в 1937-1938 гг. В своё оправдание Костиков ссылаясь на факты проявленной им бдительности и разоблачения вредительской деятельности сотрудников института. На вопрос следователя: "В приобщённом в следствии к делу на осуждённого Глушко заявлении вы писали ... что Клейменов, Лангемак и Глушко на протяжении ряда лет вели вредительскую работу. Не так ли?" - последовал ответ: "Совершенно верно. Я продолжаю и сейчас утверждать, что, судя по известным мне фактам, Клейменов, Лангемак и Глушко на протяжении ряда лет в НИИ реактивной техники вели подрывную работу". Во время

Г.Э. Лангемак

другого допроса Костикив полностью себя разоблачает: "...В отношении Глушко я сам в 1937 году высказывал подозрения, утверждая в заявлении, адресованном в ЦК ВКП(б), что он занимается вредительством. Что же касается б. дир. НИИ Клеймёнова, то при нём я находился в загоне и получил возможность самостоятельно работать в области реактивной техники только после его ареста". Последнее заявление Костикива указывает на его личную заинтересованность из карьеристских побуждений в устранении Клеймёнова с должности директора.

Аресту Глушко предшествовала кампания его моральной травли в институте. Его научно-производственную работу дважды 13 и 20 февраля 1938 г. разбирали на расширенном заседании бюро НТС института, где под "дирижёрским" управлением А.Г. Костикива сотрудники, в основном бывшие гирдовцы, выступали с критикой методов и качества работы Глушко в части создания двигателя ОРМ-65 и газогенератора ГГ-1. Королёв в этом заседании участия не принимал. Читая протокольные записи выступавших работников НИИ-3 и сопоставляя их обвинения в адрес Глушко с фактическим положением дел, приходишь к следующим выводам. Глубинной причиной критики были не результаты работы Глушко, они как раз были успешным, хотя и не лишены некоторых ошибочных решений, а сам Глушко - молодой, красивый, модно одевающийся, талантливый, в фаворе у руководства института (научные темы конкурентов из ГИРД закрыты административным путём), в обращении высокомерен, да ещё и чужак - прибыл из Ленинграда.

Наряду с претензиями личного характера: "...оторван от общественной жизни, отношение к подчинённым неверное, не товарищеское, фактически работает единолично", ряд выступающих обращает внимание на его политическую позицию: "...до сих пор он ничем не выявил своего отношения к Лангемаку и Клеймёнову ни устно на собраниях, ни в печати". Глушко, естественно, отвечал на задаваемые ему вопросы, оправдывался, а это априори делало его виноватым. В результате бюро НТС приняло решение: "Объявить недоверие и исключить Глушко из Совета членов ИТС". Из членов профсоюза он был исключён ранее.

Вряд ли "судилище" на заседании бюро НТС стало причиной ареста Глушко, в ту пору инженера среднего звена - начальника сектора малоизвестного в стране НИИ. Но этот НТС лёг в "масть" к ранее направленным в партийные и другие "органы" письмам некоторых сотрудников НИИ-3, в том числе А.Г. Костикива (апрель 1937 г.) с обвинением И.Т. Клеймёнова, Г.Э. Лангемака, В.П. Глушко во вредительстве.

Глушко был арестован 28 марта 1938 г. и подвергнут первичному допросу на Лубянке. Допрос в классическом понимании - это интеллектуальное противостояние, словесная дуэль между следователем и обвиняемым. Но в практической деятельности недостаток интеллекта следователь подменяет физическим воздействием, действуя по поговорке: "Сила есть - ума не надо". Двое суток непрерывного морально-физического насилия завершились подписанием протокола допроса с признанием участия в антисоветской вредительской организации и шпионской работе в пользу Германии. Начало было положено, задача первого допроса - признание арестованным вины - успешно решена и подследственного Глушко отправили в Бутырскую тюрьму.

Как бы вдогонку и в подкрепление ранее сделанных доносов и наветов, уже после арестов Глушко и Королёва, в НИИ-3 по инициативе Костикива была организована "творческая" группа в составе самого А.Г. Костикива, а также Л.С. Душкина, А.Н. Дедова и М.П. Коляновой, из под пера которых вышел "Акт от 20.07.1938 г.". Члены группы в спокойной обстановке детально препарировали "преступную" деятельность Глушко и Королёва и дали им личные негативные характеристики.

Итак, Глушко: "Во время работы в институте проявлялось резкое выраженное пренебрежительно барское отношение к людям, особенно к подчинённым, что вызывало исключительно отрицательное отношение к нему абсолютного большинства работников института. Наблюдалась полная оторванность от общественно-политической жизни института. Редким явлением было присутствие Глуш-

ко на собраниях либо митингах, проводимых в институте. Круг друзей Глушко в институте замыкался Лангемаком, Клеймёновым, Королёвым, которые обволакивали его незыблемым техническим авторитетом, создавая исключительные условия для работы".

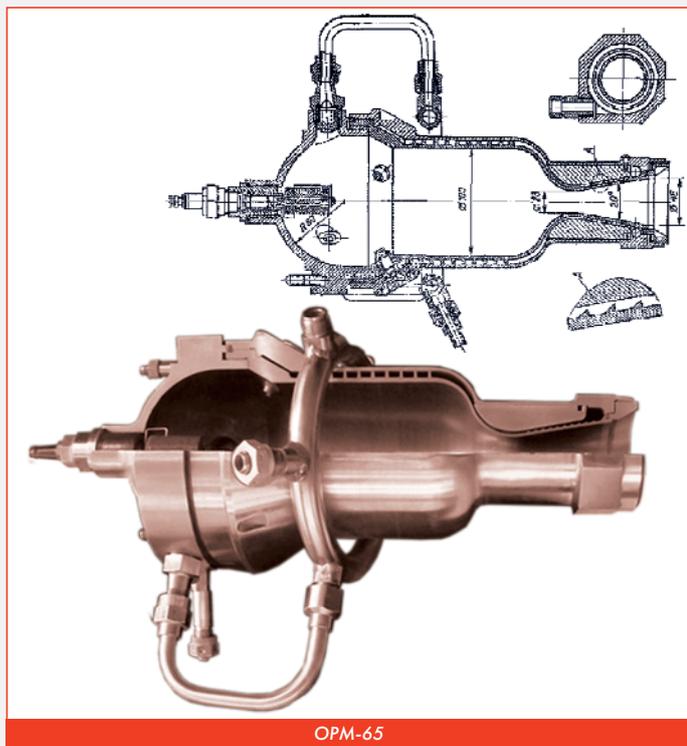
В этом же "Акте..." приводится анализ вредительской деятельности Королёва и тоже даётся ему характеристика: "По своим настроениям и отношениям к политической жизни института и страны Королёв ничем не отличался от Глушко. До крайности груб с подчинёнными, проявляя барское пренебрежение к большинству сотрудников института, не входящих в компанию Клеймёнова, Лангемака, Глушко, Купреевой и т.д. За развал основной работы был в 1937 г. исключён из рядов сочувствующих, куда ранее поступил по рекомендации Клеймёнова, и выведен из бюро ОСВ".

Следующий, основательный допрос Глушко состоялся 5 июня 1938 г. (При изложении этого и последующих допросов Глушко и Королёва приводятся фрагменты протоколов, касающиеся непосредственно темы их личных взаимоотношений. Более подробно некоторые протоколы допросов или их фрагменты изложены в книгах "Однажды и навсегда" (изд. "Машиностроение", 1998 г.) и "Валентин Глушко" (изд. "Политехника", 2008 г.), а также "Отец" (изд. "Наука", 2002 г.).

На своём горьком опыте и рассказах сокамерников по Бутырской тюрьме, среди которых был "сиделец" со стажем, будущий академик Б.С. Стечкин, Глушко уяснил, что следователи исходят из расхожего положения - "органы никогда не ошибаются", раз человек арестован, значит априори он виновен. Эта иезуитская по своему содержанию формулировка и введённая А.Я. Вышинским псевдоюридическая норма - "Признание - царица доказательства" - ориентировали следственные органы на получение "признания" во вредительской деятельности любым способом, тем более, что официальным письмом И.В. Сталина разрешалось применение к обвиняемому по 58-й статье УК РСФСР физического воздействия. Понимая бессмысленность отрицания сделанного на первом допросе признания, Глушко подтвердил своё участие во вредительской организации, но при этом назвал в составе организации только фамилии ранее арестованных Н.Я. Ильина, И.Т. Клеймёнова, Г.Э. Лангемака и, предположительно, давно умершего Н.И. Тихомирова. Признаваясь в своей якобы вредительской деятельности, Глушко рассказал о поручении ему сконструировать двигатель для проектируемой Королёвым крылатой ракеты и ракетопланера, и что намеренно мешал Королёву. С этой целью он вместо хорошо себя зарекомендовавшего двигателя ОРМ-65 предложил Королёву применить вновь разработанный двигатель ОРМ-66, в конструкции которого были специально внесены ошибки. Дополнительно к этому Глушко сделал ещё одно "признание": "...я решил сорвать лётные испытания ракетного планера. С этой целью я передал Королёву некондиционную зажигательную шашку, которая вызвала взрыв, и лётные испытания ракетного планера были отложены".

Об участии Королёва во вредительской организации ни слова, ни намёка. Фамилия Королёва упомянута в протоколе допроса

только в качестве потерпевшего от вредительской деятельности самого Глушко. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы на допросах Королёва убеждать в уличающих его показаниях Глушко, а в обвинительном заключении по делу Королёва указать, что он изобличён показаниями Клеймёнова, Лангемака и Глушко.

После этого допроса следователи "забыли" о Глушко на семь месяцев, таких долгих для сидящего в переполненной камере Бутырской тюрьмы. Но длительное "сидение" не сломало воли Глушко, он не терял надежды добиться справедливого решения по его "делу". За это время им было написано несколько писем-обращений в высшие государственные и партийные органы: Верховному Прокурору СССР А.Я. Вышинскому (16.09.1938), Наркому Внутренних Дел Н.И. Ежову (28.9.1938), Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину (21.10.1938), Наркому Внутренних Дел Л.П. Берия (7.12.1938). Во всех обращениях он указывал на вынужденное признание им вины и просил пересмотреть его дело с соблюдением законодательства. Регулярно писали письма в различные инстанции с просьбой освободить невиновного сына и родители В.П. Глушко.

Кардинального изменения в судьбе арестованного письма не принесли. Но всё же по его делу был назначен другой следователь, который 24 января 1939 г. вызвал Глушко на допрос. Перед новым следователем предстал уже другой арестант, отличающийся от того человека, который почти год назад впервые попал на допрос. Парализующий страх физического насилия со временем был преодолен волевым усилием, пробудилось чувство человеческого достоинства, появилась ясность, что конец следствия предопределён его началом - арестом по политической статье. И именно это обвинение нужно опротестовать, технические ошибки и даже аварии в НИИ - это совсем другая статья обвинения и другой, несопоставимый уровень наказания. Признать объективные технические факты и отрицать подлые наветы - такую тактику защиты решил применить Глушко на первом же допросе у нового следователя.

По основному обвинению Глушко заявил: "От всех ранее данных мною показаний я отказываюсь как от вынужденных и не соответствующих действительности. Никакой вредительской работой я не занимался". Далее он пояснил, что предложенный Королёву двигатель ОРМ-66 был более совершенным вариантом ранее разработанного двигателя ОРМ-65, а взрыв при запуске двигателя в составе ракетного планера произошёл из-за взятую Глушко на себя риска использовать пороховую шашку сомнительного качества, т.к. других шашек в тот момент не было. И опять упоминание Коро-

лёва только как участника совместно проводимых работ. Однако эти разъяснения не убедили следователя, и он зачитал показания из протокола допроса Королёва 4 августа 1938 г., изобличающие Глушко во вредительской деятельности. На это Глушко реагировал довольно сдержанно: "Показания Королёва о моей принадлежности к антисоветской организации, и её деятельности голословны. Прошу допросить меня на очной ставке с Королёвым, чтобы я мог уличить его в клевете".

Неудовлетворённый результатами допроса, следователь Пилюгин Постановлением от 28.01.1939 г. организовал техническую экспертную комиссию из работников НИИ-3 в составе Ю.А. Победоносцева, Ф.Н. Пойды, Д.А. Шитова, М.П. Коляновой, которые третьего февраля 1939 г. предоставили в следственные органы "Акт обследования работ Глушко с моторами на жидком топливе". В Акте представлен критический анализ научно-технических работ, проводимых Глушко, и сделан вывод, что он преследовал цель разбазаривания народных средств в крупных размерах, затягивая разработку порученных ему проектов, и тем самым тормозил развитие ракетной техники в СССР. Сам Глушко характеризуется в негативном плане. Ознакомившись с этим Актом, Глушко записал в протоколе допроса: "Акт технической комиссии не соответствует действительности, в акте указаны отдельные мои неудачные испытания как вредительские, а достижения затушёваны. Согласие с актом первой технической экспертной комиссии было вынуждено путём физического воздействия...". Однако Акт был приобщён к следственному делу и следователь объявил об окончании следственного процесса.

Несправедливость обвинения побудила Глушко ещё раз обратиться с письмом к И.В. Сталину (21.02.1939 г.), в заключительной части которого он пишет: "Прошу Вашего вмешательства, чтобы освободить меня из тюрьмы и дать возможность отдать все силы и знания на пользу Родине". Не получив и, видимо, не надеясь получить ответ, Глушко 5 марта 1939 г. предпринимает, как оказалось, последнюю попытку снять с него обвинения: он настаивает на очной ставке с Клеймёновым, Лангемаком и Королёвым. На это требование следователь спецчасти НКВД СССР мл. лейтенант Госбезопасности Пилюгин 16 марта 1939 г. принимает постановление: "Так как обвиняемые Клеймёнов, Лангемак и Королёв уже осуждены, поэтому, руководствуясь ст. УПК РСФСР, в просьбе Глушко о допросе его на очной ставке отказать".

На этом следствие по обвинению Глушко было завершено и 17 марта 1939 г. Комиссар Госбезопасности Л.З. Кобулов утвердил обвинительное заключение, в котором излагаются "факты вредительской деятельности" Глушко и указывается, что "допрошенный в качестве обвиняемого Глушко полностью признал себя виновным, но впоследствии от своих показаний отказался. Изобличается показаниями членов той же антисоветской организации Клеймёновым, Лангемаком и Королёвым. Вредительская деятельность подтверждается актом технической экспертной комиссии". И заключительная часть: "...следдело № 18102 подлежит передаче на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР".

К направленному в Особое совещание "следделу № 18102" были приложены справки, в которых кратко изложена суть дела.

"1. Глушко В.П. изобличается показаниями одного из руководителей троцкистской организации б / директором НИИ-3 Клеймёновым, осуждён к ВМН, а также участниками троц. Организации Лангемаком, осуждён к ВМН, и Королёвым, осуждён, дано 10 лет тюрьмы.

2. В настоящий момент уточнить его вовлечение в троцкистскую организацию не представляется возможным.

3. Вещественных доказательств по делу нет".

Казалось бы, кроме голословных, ничем не подтверждённых обвинений у следствия ничего нет, и Глушко, после ознакомления с обвинительным заключением, 3-го июня 1939 г. пишет письмо Верховному Прокурору СССР, в котором в очередной раз указывает на несправедливость ареста и ведения следствия. В заключительной части письма он пишет: "Прошу Вашего немедленного вмешательства, чтобы прекратилось издевательство над честным совет-

ким инженером и дать возможность работать на пользу Родине по специальности". Но Особое совещание, руководствуясь статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР, 15.08.1939 г. приняло решение: "Глушко В.П. за участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, считая срок с 23-го марта 1938 года. Дело сдать в архив".

Однако на этот раз судьба повернулась к Глушко лицом. Письма арестованных и осуждённых по 58-й статье УК РСФСР в следственном аппарате всё-таки читали. Приведенные выше строчки из писем Глушко И.В. Сталину (21.02.1939 г.) и Верховному Прокурору СССР (3.06.1939 г.) о желании работать по специальности на пользу Родине привлекли, видимо, чьё-то внимание. Резолюция на выписке из протокола Особого Совещания "В Ухтижелла" была заменена безымянной карандашной записью "Ост. для раб. в техбюро", что соответствовало позиции Наркома Л.П. Берии по укомплектованию техническими специалистами лично ему подчинённых спецтюрем. Так Глушко вместо верной смерти на северном лесоповале оказался в спецтюрьме 4-го Спецотдела НКВД СССР при Тушинском авиационном заводе № 82.

С.П. Королёв был арестован 27 июня 1938 г. как участник антисоветской троцкистской организации в НИИ-3 на основании показаний "членов" этой организации Клеймёнова и Лангемака. Утром 28 июня 1938 г. на Лубянке состоялся первый допрос с применением морально-физического насилия, в результате которого Королёв подписал признательный протокол об участии в указанной следователями вредительской троцкистской организации. После этой предварительной обработки ему 10 июля 1938 г. предъявили "Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения", в котором Королёв уличался в активной работе в составе вышеуказанной антисоветской организации и он был помещён в Бутырскую тюрьму. На последующем допросе в качестве доказательства его вредительской деятельности ему был предъявлен "изобличающий" его и Глушко уже упомянутый "Акт от 20.07.1938 г.", состряпанный Костиковым, Душкиным, Дедовым и Коляновой. Акт вызвал у Королёва резкое возражение и возмущение, но это не мешало приобщить Акт к следственному делу.

Следствие велось в достаточно высоком темпе и Королёв 4 августа 1938 г. был вызван на допрос, который, как оказалось, был последним перед передачей его дела в суд. Протокол допроса представляет повышенный интерес, поэтому рассмотрим его подробнее. В начале допроса Королёв подтвердил, что состоял в антисоветской организации, в состав которой входили Клеймёнов, Лангемак и с 1934 г. Глушко. Такие "признания" были каноническими в подобных протоколах допросов - подтверждалось участие во вредительской организации самого допрашиваемого и ещё нескольких человек, ранее арестованных. По ходу допроса Королёв даёт признательные показания: упоминает о специальных допущенных им конструкторских ошибках: неправильно выбранном материале баков торпеды, а также намеренном применении системы подачи компонентов топлива, вызывающей взрыв при запуске двигателя. А вот далее на протяжении всего допроса Королёв изобличает Глушко в его вредительской деятельности: "Двигатель для установки на торпеду разрабатывал участник нашей антисоветской организации Глушко. [...] Автопуск для приведения торпеды в действие умышленно затягивался разработкой членом организации Глушко и в течение 1937 г. не был им разработан. Глушко умышленно неправильно рассчитал конструкцию камеры сгорания, в результате критическое сечение сопла прогорало на 20 секунде работы, в то время как требовалось 50 сек. [...] В 1936 г. мною была разработана ракетная установка, а Глушко двигатель ОРМ-65. [...] Глушко по своей инициативе в момент испытания вложил в мотор негодную воспламеняющую шашку, отчего при запуске произошёл взрыв, разрушивший проводку, арматуру и частично объект. [...] В результате вредительской деятельности Глушко к концу 1937 г. создал такое положение, что институт фактически не имел моторов, которые можно было бы надёжно использовать. Сам Глушко, работая по вредительской установке Лангемака, вёл научно-исследовательские работы бессистемно, непродуманно и завёл

моторное дело в тупик. Другую порученную ему работу по автоматическому запуску моторов Глушко не довёл до конца и окончательно запутал возможность запуска моторов, несмотря на то, что работал над этим в течение года. [...] В конце концов, он привёл к развалу все работы по отработке запусков и лишил возможности проводить опыты над реактивными торпедами и планером. [...] Глушко имел хорошие показатели работы реактивных двигателей в 60 кг тяги, в 150 кг тяги, но в целях вредительской организации стал постепенно изменять конструкцию двигателей и свёл их к мощности 20-25 % КПД, а поэтому они не получили практического применения и Глушко их забросил. Три года работы над этими двигателями и крупные затраты по ним принесли серьёзный ущерб институту". Приведённые фрагменты из протокола допроса вызывают недоумение, заставляют задуматься. Мне довелось читать аналогичные протоколы допросов, опубликованные в нашей литературе. Допрашивались разные люди, и, разумеется, вели они себя по-разному. Но если выделить применяемую ими тактику поведения на допросе, то вырисовывается следующая картина: подтверждение фамилий ранее названных членов антисоветской организации, включая себя и последующий самооговор с приведением "фактов". Так, в частности, вёл себя на допросах Глушко. Но вышеприведённый допрос Королёва кардинально отличается от сложившейся практики. Перечислив ранее упомянутых членов вредительской организации, он в подробностях излагает вредительскую деятельность Глушко. Зачем и почему потребовалось это Королёву?

На эту странность в поведении Королёва обратили внимание и другие авторы мемуарной литературы, некоторые из них объясняют это "прессингом" следствия и подписанием практически не читая заранее подготовленного протокола допроса. Действительно, в соответствии со следственным делопроизводством протокол по ходу допроса ведёт следователь. Обвиняемый, после прочтения протокола его подписывает, при необходимости отражает своё мнение по поводу написанного. В то же время в публикациях, касающихся проведения допросов в 1937-1938 годах политических подсудимых, иногда указывается, что протокол был написан следователем заранее, хотя такие утверждения приводятся без доказательств. Наверное, бывало и так. Но для этого требовалось, чтобы следователь в достаточной мере был знаком с рассматриваемой на допросе сферой деятельности, инкриминируемой обвиняемому. В нашем же случае в протоколе отражены вопросы научно-технического характера, которые самостоятельно сочинить следователь - лейтенант Госбезопасности Шестаков - не смог бы. В тексте протокола содержатся технические подробности работы НИИ-3, о которых мог знать только человек, непосредственно участвующий в этих событиях. Мог ли допрашивающий Королёва следователь знать о них?

Как показали последующие события, этот допрос был ключевым в деле Королёва, к нему следователь провёл основательную подготовку. Об этом свидетельствует ряд фактов. Изучая опубликованные в печати документы, связанные с криминальными страницами биографий Глушко и Королёва, я обратил внимание на один факт, прошедший малозаметным штрихом в "Протесте Генераль-

С.П. Королёв

ной прокуратуры Союза ССР в Военную коллегия Верховного суда СССР от 11 августа 1956 года". В констатирующей части этого документа указывается: *"На допросе 4 августа 1938 г. (протокол отпечатан на машинке, дата допроса дописана чернилами) Королёв показал, что он является участником антисоветской организации и что вражескую работу в НИИ-3 проводил также Глушко..."*. Так что есть все основания предполагать, что протокол допроса составлен заранее, доказательство предварительного его составления следователем я усматриваю в машинописном исполнении. Это же косвенно указывает на решение следователя завершить следственный процесс предстоящим допросом, и он к нему основательно подготовился. Но откуда же у следователя столь подробные знания о работе Глушко и Королёва в НИИ-3, если протокол составлен до допроса? Анализ содержания протокола показывает, что практически все обвинения следователь мог почерпнуть как из ранее упомянутого письма Костикова, так и из полученного накануне "Акта от 20.07.38 г.", а также из протокола допроса Глушко 5 июня 1938 г. Наверняка у следователей спецчасти НКВД были и другие источники информации о состоянии дел в НИИ-3, но и упомянутых первыми двух развёрнутых доносов было достаточно, чтобы состряпать липовый протокол ещё предстоящего допроса. Остаётся только вопрос, почему Королёв согласился с содержанием предварительно составленного протокола и подписал его? На это сейчас определённо ответить не может никто. Можно сделать только предположение - Королёв поверил в предательство Глушко по отношению к нему. Об этом ему твердили следователи, хотя протоколов с такими показаниями, сделанными Глушко, не предьявляли - их не существовало. На такую тактику ведения допросов Королёв ссылается в своём письме от 29.11.38 г. из Новочеркасской пересыльной тюрьмы в адрес Верховного Прокурора СССР: *"...на следствии не раз просил очных ставок или хоть прочитывать показания на меня других, ранее арестованных лиц, но получал отказ и соответствующее "внушение", чтобы я сам писал такие показания"*. Видимо, на допросе 4.08.38 г. Королёв поддался на "соответствующее внушение" следователя (а что подразумевается под этим "соответствующим внушением", остаётся только догадываться) и уступил "советам" следователя. Но можем ли мы его за это упрекать или же предьявлять претензию? Чтобы понять поведение Королёва, нужно побывать в его психологически-физическом состоянии в период пребывания в заключении и во время этого допроса. И далее - по расхожему в быту выражению: *"Понять - значит простить"*. Но всё-таки одно обстоятельство я не могу оставить без внимания. На суде от собственного признания всегда можно отказаться, мол, к самоговору вынудили следователи. А уличение во вредительской деятельности со стороны - это другая категория обвинений, доказать неправедность которых бывает очень трудно, а для заранее объявленного "врагом народа" практически невозможно. "Следы" этого протокола проявились в обвинительном заключении Глушко и уже цитируемой нами справке, направленной вместе со следственным делом Глушко в Особое совещание: *"Глушко изобличается показаниями ... Клеймёновым, осуждён к ВМН, а также... Лангемаком, осуждён к ВМН, и Королёвым, осуждён, дано 10 лет тюрьмы"*.

После оформления протокола допроса 4 августа 1938 г. следователи сочли собранных документов достаточно и 7.08.38 г. объявили Королёву о направлении его следственного дела на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. 25 августа 1938 г. Верховный Прокурор СССР А.Я. Вышинский утвердил обвинительное заключение по делу Королёва, в котором он обвинялся в участии в антисоветской троцкистской вредительской организации, в срыве отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения, в связи с чем подлежал суду Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Узнав от следователей, что его дело будет рассматриваться в Военной коллегии Верховного Суда СССР, Королёв несколько приободрился. Он надеялся, что в этом высококом органе судьи - серьёзные, по государственному мышлящие люди - выслушают его и поймут чудовищную ошибку, допустившую тупыми, безграмотными следователями, вынесут справедливый оправдательный приговор, и

он сможет вернуться к своему любимому делу.

Суд над Королёвым проходил под председательством В.В. Ульяриха в течение 26 и 27 сентября 1938 г. Подсудимый виновным себя не признал, от данных им в ходе следствия показаний отказался. В последнем слове *"просил учесть его молодость, его преданность Правительству и Партии и дать ему возможность плодотворно работать в области авиации"*. Однако суд признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-7, 17, 58-8, 58-11 УК РСФСР и приговорил к тюремному заключению на 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией личного имущества.

Оглашённый приговор нанёс Королёву сильнейший моральный удар, но не сломил его. И он продолжил борьбу за своё освобождение доступными ему средствами. Но прежде чем приступить к изложению борьбы Королёва и его матери М.Н. Балиной за освобождение, сделаем отступление и приведём сравнение в ведении следствия и вынесении приговоров В.П. Глушко и С.П. Королёву.

Ещё в середине 90-х годов, когда стали появляться первые публикации протоколов допросов и приговоры репрессированных в 30-е годы людей, я обратил внимание на различные сроки проведения следствия и вынесение приговоров Королёву и Глушко. Кое-что мне помог понять мой приятель со студенческих лет, ныне покойный Ю.Г. Демьянко, который был допущен к архивным следственным делам некоторых репрессированных в те годы людей. Обобщая почерпнутые у него сведения, нынешние публикации и анализируя события, происходящие в те далёкие годы, у меня сложилась следующая картина.

Глушко и Королёв работали инженерами среднего звена в одном из малоизвестных в то время НИИ по одной и той же тематике. Их арестовали с интервалом в три месяца (Глушко - 23.03.38 г., Королёва - 27.06.38 г.) по одному и тому же обвинению - участие в антисоветской вредительской организации, причём показания об их участии дали одни и те же люди - Клеймёнов и Лангемак. По запросу следователя институтский "актив патриотов" дал им аналогичные отрицательные характеристики. Всё - один к одному.

А далее их жизненные пути расходятся.

Расследование *"преступной деятельности"* Глушко ведётся с 23.03.38 г. по 15.08.39 г. и его судьбу решает Особое совещание при НКВД СССР, которое инкриминирует ему статьи 58-7 и 58-11 УК РСФСР, по которым назначает наказание - 8 лет работ в исправительно-трудовом лагере.

Следствие по "делу" Королёва длилось с 27.06.38 г. по 27.09.38 г., обвинительное заключение рассматривала Военная коллегия Верховного Суда СССР, ему инкриминированы статьи 58-7, 17, 58-8, 58-11. Приговор - 10 лет тюрьмы с поражением в правах на 5 лет и конфискация личного имущества.

Чем же можно объяснить такие разные выводы при одинаковых исходных данных?

Технология проводимых в 30-х годах массовых репрессий предусматривала предварительную селекцию - распределение арестованных по нескольким спискам. Такие списки объединяли арестованных не по инкриминированным им преступлениям, а по уровню занимаемых ими перед арестом должностям, степени их общественной известности или значимости. Обвинительный пункт статьи 58 Уголовного кодекса им определял следователь перед первым допросом. Попаданию арестованного в какой-либо из таких списков по существу определяло дальнейший ход следствия и, чаще всего, его конечный результат. Предварительная селекция арестованных по спискам уже предполагала степень наказания, которое подтверждалось подписями этих списков на высшем уровне - некоторыми членами Политбюро и Наркомаами. Так в чём же усмотрели разницу между Глушко и Королёвым следователи?

Королёв до НИИ-3 выполнял дипломный проект под руководством осуждённого в 1937 г. А.Н. Туполева, работал инженером на авиазаводе, в 1932 г. возглавил ГИРД, входящий в систему Осоавиахима, которым в ту пору руководил позднее расстрелянный как враг народа Р.П. Эйдеман, имел контакты с М.Н. Тухачевским, при организации РНИИ был назначен заместителем начальника инсти-

Р.П. Эйдеман

тута арестованного в ноябре 1937 г. Клеймёнова, при этом назначении получил высокое воинское звание - два ромба в петлице. Неоднократно выступал на Всесоюзных конференциях по астронавтике, пользовался известностью в научных кругах. В НИИ-3 конструировал оружие для РККА - крылатые аэроторпеды. По мнению "патриотического актива" института допущенные им технические ошибки в работе являются плодом его вредительской деятельности. О принадлежности к вредительской организации в НИИ-3 дали показания осуждённые Клеймёнов и Лангемак.

Подведём итог: высокая должность, высокое воинское звание, обещание с высокопоставленными врагами народа, вредительство при создании оружия для Красной Армии, известен в научных кругах - достаточно оснований для включения в список № 1. Хотя и кратковременное, но высокое воинское звание, а также разработка оружия для РККА определили судебный орган - Военную коллегию Верховного Суда СССР, а этот орган обычно определял наказание в диапазоне от 10 лет тюрьмы до высшей меры наказания (ВМН) - расстрела. Из 74 человек, находящихся в одном списке с Королёвым, около 60 бедолаг получили ВМН. Судьба, другого объяснения здесь не найдешь, смилостивилась и Королёв получил "только" 10 лет тюрьмы.

Глушко до НИИ-3 работал инженером в ГДЛ, где пользовался расположением у осуждённых Клеймёнова, Лангемака и Ильина. В НИИ-3 претендовал на лидерство среди разработчиков ЖРД, вместе с Лангемаком в 1935 г. издали книгу "Ракеты, их устройство и применение", опубликовал ряд статей в научно-техническом сборнике "Ракетная техника". В органах НКВД имеется ряд доносов на Глушко, но без существенных обвинений: уклоняется от общественно-полезных дел, антипатриотически настроен, допускает критические высказывания в адрес членов партии, в процессе выполнения плановых работ допустил несколько технических ошибок, которые некоторые сослуживцы склонны считать проявлением вредительской деятельности. В общем, так, "мелкая рыбёшка" в сетях ловцов врагов народа. Но пройти мимо "разоблачения" Клеймёновым и Лангемаком в причастности к антисоветской вредительской организации "органы" не могли, и Глушко был арестован. По степени своей значимости Глушко не представлял большого интереса для следователей и они, видимо, занимались делами более "важных" арестованных. Между двумя последующими допросами 5 июня 1938 г. и 24 января 1939 г. прошло более 7 месяцев и за это время в стране произошли важные события, оказавшие определяющее значение на последующие судебные решения и условия жизни осуждённых, включая Глушко и Королёва.

В середине 1938 г. угрозы посягательства на единовластие "Вождя всех народов" уже не существовало. Главные политические конкуренты были устранены, вероятная военно-политическая оппозиция была разгромлена, ближайшее окружение репрессированных лидеров было либо расстреляно, либо надолго упрятано в тюрьмы, но аресты всё продолжались. В количественном отношении они пошли на спад, да и общественно-профессиональный уровень арестованных измелчал. Цепная реакция репрессий опустилась до самых низов, до уровня рядовых граждан. Именно это обстоятельство оказало влияние на последующие события. С момента убийства С.М. Кирова и последовавших за ним репрессий активная часть народа горячо поддерживала борьбу органов НКВД с "врагами народа": политическими лидерами, коммунистами высшего звена, военачальниками, руководителями крупных промышленных предприятий, представителями творческой интеллигенции, которые где-то там, наверху, ведут враждебную антинародную деятельность. Но когда подошло время ареста рядовых работников предприятий и колхозов, ближайших соседей,

родственников, то в народе появились ростки сомнения в достоверности предъявляемых обвинений.

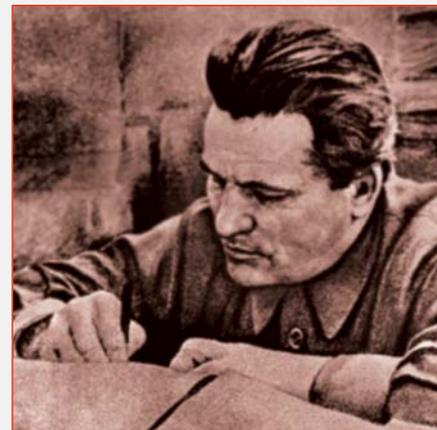
"Вдохновитель и организатор всех наших побед" чутко уловил, что натянутая тетива репрессий достигла своего предела и общественное мнение масс находится на грани потери доверия в наличии в стране такого количества шпионов и вредителей. Пришло время отмежеваться от проводимых репрессий и понизить градус напряжения в народе, а для этого существует издревле известный способ - отыскать "ведьму" и принести сакральную жертву. Искать долго не требовалось и "остроглазый" Нарком Ежов из "карающего меча диктатуры пролетариата" в одночасье превратился "в кровавого нарушителя ленинских норм социалистического правопорядка".

Расправа над Ежовым была проведена по хорошо отлаженной методике: его перевели на малозначущую должность Наркома водного хозяйства, а через некоторое время арестовали, обвинили в незаконных массовых репрессиях и расстреляли. На место Наркома НКВД СССР из Грузии перевели Л.П. Берия, который после двухмесячной стажировки в должности первого заместителя Наркома 25 ноября 1939 г. возглавил Наркомат Внутренних дел СССР.

Став Наркомом, Берия понимал, что занимаемая теперь им должность не определяет внутреннюю политику в стране и что его назначение является всего лишь политической акцией для успокоения народных масс, как своевременно опубликованная в 1929 г. статья "Головокружение от успехов". Отработывая поставленное ему политическое задание, Берия несколько ослабил "вожжи" репрессий, наступила временная государственная "оттепель": по его указанию (согласованному, разумеется, с Политбюро) ряд следственных дел был прекращен, часть ранее вынесенных приговоров была пересмотрена со снижением сроков наказания, из следственного аппарата были уволены наиболее "ударные" следователи.

Проводя мероприятия для исправления имиджа НКВД и обеспечения собственного авторитета среди народных масс, Берия озаботился и об укреплении своего положения среди сложившейся кремлёвской элиты. С этой целью он в январе 1939 г. реорганизовал ранее существовавшие в системе НКВД разоблаченные Особые конструкторские бюро (по сути - спецтюрьмы с научно-технической формой работы) в "Особое техническое бюро при Наркоме НКВД" в составе 4-го Спецотдела НКВД СССР. Теперь все спецтюрьмы (в просторечии "шарашки") подчинялись лично Берии, и он стал во главе обобщённого и сконцентрированного в НКВД научно-технического направления по разработке новой техники, в основном, вооружения, которое по своим тактико-техническим характеристикам превосходило производимое в отраслевых Наркоматах.

Массовые бессистемные аресты 1937-1938 г. обескровили оборонную промышленность СССР, особенно это сказалось на любимом детище вождя - авиации. Так, в 1937 г. был расстрелян талантливый авиаконструктор Калинин, конкурирующий с Туполевым в создании самолётов тяжёлого класса. И Берия решил начать с исправления этой ошибки своих предшественников и организовал

С.М. Киров

К.А. Калинин

Здание ЦКБ-29

авиационное ЦКБ-29. В разное время в этой спецтюрьме отбывали наказание выдающиеся советские авиаконструкторы, среди них (по алфавиту): Р. Бартини, Д.П. Григорович, В.М. Мясищев, В.М. Петляков, Н.Н. Поликарпов, А.И. Путилов, Д.Л. Томашевич, А.Н. Туполев, В.А. Чижевский. Несколько месяцев в ЦКБ-29 работал и С.П. Королёв.

Р. Бартини

В.М. Петляков

В.М. Мясищев

Д.П. Григорович

Н.Н. Поликарпов

В.А. Чижевский

Д.Л. Томашевич

А.И. Путилов

А.Н. Туполев

М.М. Громов

Став административной главой и "техническим руководителем" ЦКБ-29, Берия порой не скрывал, что аресты и осуждения авиаконструкторов проводятся целенаправленно для использования их в ЦКБ-29, т.к. за каждый самолёт, созданный под его "руководством", он получал личную благодарность Сталина.

В мемуарной литературе приводится разговор между Берия и находящимся в заключении в ЦКБ-29 А.Н. Туполевым. Берия, не без гордости, отметил, что для авиаконструкторов созданы все условия для творческой работы. Никто им не мешает, ничто не угрожает их жизни. Успешно работайте и - самолёт в небо и все по домам. На реплику Туполева, что работаете лучше без решёток на окнах, Берия возразил: мы вас оберегаем от всяких неожиданностей, на улице может случайно кирпич упасть на голову или нечаянно можно попасть под трамвай. У нас же ничего подобного случиться не может, нужно только хорошо работать. Так талант человека становился причиной ареста и последующей работы по своей специальности в неволе.

Кроме ЦКБ-29 существовало ещё несколько спецтюрем, расположенных при самолётостроительных и авиамоторных заводах. Вот эти спецтюрьмы и стали местом дальнейшей жизни и работы осуждённых Глушко и Королёва.

Сделав этот краткий экскурс в особенности внутренней политики в 1938-1939 гг., вернёмся к моменту вынесения обвинительного приговора Королёву в сентябре 1938 г.

Бороться за освобождение Королёва первой начала его мать М.Н. Баланина. Пережив шок первых дней после ареста сына и потеряв надежду, что арест является ошибкой и Сергея скоро освободят, она 15 июля 1938 г. пишет развёрнутое письмо И.В. Сталину, а 19 июля телеграммой подтверждает направление письма. В этот же день столь же подробное письмо она направляет Наркомку Н.И. Ежову, а 21 июля 1938 г. посылает телеграфное уведомление об отправлении письма. В письмах она подробно излагает биографию и рабочую характеристику сына и убеждает в ошибочности ареста. Сам Королёв, после получения 7 августа извещения, что следствие завершено и подготовлено обвинительное заключение, в августе 1938 г. дважды обращается к Верховному Прокурору СССР (14.08.38 г. и 31.08.38 г.) и Наркомку Внутренних Дел СССР (31.08.38 г.), в которых отрицает ранее сделанные признания под физическим воздействием следователей и приводит доказательства своей невиновности. Но все эти обращения остались без ответа и не повлияли на вынесение приговора.

После вынесения приговора Королёв продолжает бороться за своё освобождение, обращается с письмами к Председателю Верховного Суда СССР (20.10.38 г.) и Верховному Прокурору СССР (29.10.38 г.). Содержание писем - вынудили признание в преступлении, не виноват, прошу освободить. Результат - без ответа.

В начале ноября 1939 г. Королёва этапировали в Новочеркасскую пересыльную тюрьму. Находясь в этой тюрьме, Королёв в те же адреса направил новые письма - 10.11.38 г. и 29.11.38 г. Прежние адреса - прежние же результаты: без ответа.

Уяснив, что просьбы матери осуждённого не производят впечатления на высоких чинов, она решила подключить авторитетных людей. По её просьбе в марте 1939 г. депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, знаменитый в те годы лётчик М.М. Громов обратился к Председателю Верховного Суда СССР с ходатайством о пересмотре дела осуждённого С.П. Королёва. На этом ходатайстве 31 марта 1939 г. появилась резолюция: "Т.Ульрих, прошу проверить правильность осуждения". В качестве исходного материала для проверки Ульриху второго апреля 1939 г. было направлено заявление Королёва, написанное им в Новочеркасской тюрьме 10 ноября 1938 г. в адрес Председателя Верховного Суда СССР.

Имеющая привычку дублировать свои обращения в высшие инстанции, М.Н. Баланина в апреле 1939 г. решила заручиться поддержкой ещё одного депутата Верховного Совета СССР, Героя Советского Союза лётчицы В.С. Гризодубовой. Новое ходатайство

на этот раз в адрес В.В. Ульриха: "Прошу Вас пересмотреть дело осуждённого Королёва С.П." ушло 17 апреля 1939 г. 9 мая на ходатайстве появилась резолюция Ульриха: "Доставьте мне все заявления Королёва".

В результате рассмотрения всех писем и заявлений Королёва и его матери, Ульрих 13 июня 1939 г. на заседании Пленума Верховного Суда СССР внёс протест на приговор Королёву (тот самый приговор, который он же и утвердил). Решением Пленума Верховного Суда приговор от 27 сентября 1938 г. по делу Королёва был отменён и дело передавалось в Следственную часть НКВД на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования. В соответствии с этим Решением в Новочеркасскую тюрьму 25 июня 1939 г. направляется подписанное Ульрихом письмо с указанием известить Королёва о принятом Решении и отправить осуждённого в Москву. Сколько было потрачено душевных сил, сколько выплакано слёз, сколько перенесено унижений и, наконец, хотя и промежуточный, но всё-таки благополучный финиш: Королёв и все его поддерживающие в борьбе за освобождение, если и не одержали победу, но добились возвращения к исходной позиции, а это вселяло надежду на благополучный исход.

Далее события проходили в соответствии с поговоркой из русского фольклора: "Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Письмо Ульриха возвратилось из Новочеркасской тюрьмы в связи с его не востребованностью - осуждённый Королёв 1 июня 1939 г. убыл по этапу во Владивосток. Далее путь осуждённого лежал на Колыму, на золотодобывающий прииск Мальдяк, куда его и доставили 3 августа 1939 г.

О принятом решении отменить вынесенный ранее приговор семья осуждённого узнала из полученного ею официального уведомления, но в то же время ей стало известно, что Королёв продолжает двигаться по этапу к месту, определённому в качестве его наказания. В связи с этим М.Н. Баланина 11 августа 1939 г. обратилась к Главному военному прокурору с просьбой телеграфным распоряжением приостановить этапирование и ускорить возвращение Королёва в Москву для проведения нового следствия. Однако органы НКВД потеряли "след" осуждённого и письмо не возымело ожидаемого воздействия.

Не зная об отмене приговора, Королёв уже из прииска Мальдяк 15.10.39 г. обращается с заявлением к Верховному Прокурору, в котором в очередной раз обстоятельно и подробно излагает всю свою трудовую биографию, приводит доказательства в ложности обвинений и просит пересмотреть его дело, т.е. о том, что уже сделано ровно четыре месяца назад.

Чего не могли, а уж точно не очень старались сделать служащие НКВД - определить местоположение Королёва - помог это сделать он сам, передав записку семье через отбывшего на Колыме срок наказания и вернувшегося в Москву уголовника. Мать Сергея Павловича немедленно, 26 ноября 1939 г., обратилась к надзира-

В.С. Гризодубова

ющему прокурору военной прокуратуры с просьбой выполнить решение Пленума Верховного Суда и сообщила адрес нахождения Королёва - бухта Нагаева, прииск Мальдяк. Теперь оставалось только ждать.

Об условиях жизни и работы Королёва на прииске Мальдяк широко известно из исторической и мемуарной литературы. Напомним только, что ему за 4 месяца нахождения в лагере пришлось пережить издевательства уголовников и охранников, самодурство лагерного начальства, каторжный труд, недоедание и цингу. Вместе с этими невзгодами он встретил среди заключённых немало честных, порядочных людей, которые оказали ему помощь в выживании. С некоторыми из них Королёву посчастливилось встретиться через много лет, и эти встречи доставили им взаимную радость.

Распоряжение о направлении Королёва в Москву для продолжения следствия пришло в Мальдяк в конце ноября 1939 г. и его, обессиленного от истощения, в сопровождении охранника, на грузовике, повезли в Магадан. К назначенному на 8 декабря отходу парохода "Индибирка" они опоздали, и это опоздание спасло жизнь будущему "Основоположнику практической космонавтики": "Индибирка" попала в шторм, села на мель, корпус получил пробоину и все заключённые, находящиеся в трюме, погибли. Оставшийся на берегу Королёв получил медицинскую помощь в местной тюремной больнице и 23 декабря 1939 г. его отправили на пароходе "Феликс Дзержинский" во Владивосток. В Москву, в Бутырскую тюрьму, он попал 28 февраля 1940 г.

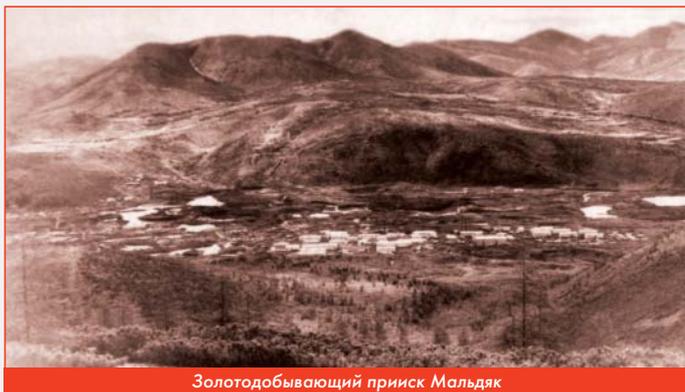

Пароход "Индибирка" у берегов Японии

Конечно, и Королёв, и все участвующие в борьбе за его освобождение, не надеялись на полную отмену обвинительного приговора, но были уверены, что вынесут новый приговор с наказанием в пределах уже отбывшего срока по прежнему приговору (не мог же в СССР отбывать срок невиновный!), тем более, что такие случаи в практике пересмотра дел в 1939 г. были. Но... время внутриполитической "оттепели" безвозвратно ушло, органы "вспомнили" своё основное правило: если человек арестован, он должен быть осуждён. Карусель повторных допросов завертелась, как и было предписано, со стадии предварительного расследования.

Первый допрос 8 марта 1940 г. и первый же сюрприз - дело Королёва поручено вести тому же следователю Быкову, на основании результатов следствия которого был вынесен обвинительный приговор, отменённый Пленумом Верховного Суда. Получается так, что допущенный следователем Быковым профессиональный брак поручается исправить следователю Быкову. А может не исправить, а доказать, что брака-то и не было? Но какие новые факты мог выявить прежний следователь дополнительно к ранее проведённому им следствию? Ворошить старые протоколы допросов бессмысленно, т.к. вынесенный на их основании обвинительный приговор отменён. А после окончания предыдущего следствия Королёв постоянно был под охраной органов НКВД: после вынесения приговора 27.9.38 г. он до 10.06.39 г. находился в Новочеркасской пересыльной тюрьме, потом до 3.08.39 г. передвигался по этапу на Колыму, где до конца ноября 1939 г. работал на прииске Мальдяк, с конца ноября 1939 г. до 28.02.40 г. его транспортировали в Москву. В этой ситуации следователю оставалось только расспрашивать Королёва, с кем он за это время общался, кому писал письма и заявления. И никаких новых фактов вредительства для включения в дело, а "старое" дело опротестовано в связи с недостаточной доказательной базой. Сложившаяся в некотором виде тупиковая для следователя ситуация разрешилась тем, что после обращения в Главную Военную Прокуратуру М.Н. Баланиной следователь был заменён, одновременно с этим Королёва 19.04.40 г. перевели из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму на Лубянке.

На первом же допросе 20.04.40 г. у нового следователя Королёв заявил о своей невиновности, "признательные" показания объяснил физическим воздействием следователей и резко отрицатель-

Золотодобывающий прииск Мальдяк

но отозвался об обвинениях в его адрес, изложенных его бывшими сотрудниками по НИИ-3 в "Акте от 20.07.38 г.". С целью получения новой информации о характере работы Королёва в НИИ-3, следователь своим Постановлением 5.05.40 г. организовал новую экспертную комиссию из работников НИИ-3 в составе Ф.Н. Пойды (председатель), М.С. Кисенко и Е.С. Щетинкова, а Королёву поручил для работы этой комиссии составить перечень вопросов, вытекающих как из прежнего "Акта от 20.07.38 г.", так и его профессиональной деятельности в НИИ-3.

25 мая 1940 г. экспертная комиссия представила своё заключение, которое имело весьма оригинальную форму. В общем тексте содержались критические замечания к работе Королёва, но они нивелировались приложенными "Особыми мнениями" каждого эксперта по одному из выбранных ими фрагментов заключения. В чём эксперты были едины, так в достаточно негативной личной характеристике Королёва.

28 мая 1940 г. состоялся заключительный допрос Королёва, на котором он не согласился с некоторыми положениями экспертного заключения, что нашло отражение в его дополнительных показаниях к протоколу об окончании следствия. На следующий день было утверждено обвинительное заключение, в котором Королёв обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьями 58-7 и 58-11 УК РСФСР. На этот раз в обвинительном заключении отсутствует пункт статьи 58-8 (контрреволюционная деятельность), а это существенно снижало уровень наказания.

Надежды на освобождение не подтвердились, и борьба продолжилась. 2 июня 1940 г. Королёв обращается в Главную Военную прокуратуру с просьбой вызвать его для личной беседы. Следующее обращение - 10 июня 1940 г. к Верховному Прокурору СССР с той же просьбой. Оба обращения остались без ответа. 13 июля 1940 г. Королёв обращается к Сталину, в письме он излагает перспективы развития ракетной авиации, а также о том и о тех, кто и как мешает ему успешно работать в этой области. Просит назначить новое объективное расследование. Но это был, если применить используемый в ракетном двигателестроении термин, "импульс последствия" - 10 июля 1940 г. Особое совещание при НКВД заочно постановило "заключить Королёва в ИТЛ сроком на 8 лет".

На выписке из протокола сделана рукописная пометка "Севжелдорлаг". Трудно сказать, какой из приговоров - первый или этот, второй, сильнее воздействовал на морально-психологическое состояние Королёва. Первый приговор был в какой-то мере всё-таки прогнозируемый, во всяком случае, на основании статистики выносимых приговоров окружающим его подследственным. Отмена этого приговора и практически отсутствие новых дополнительных обвинений создали устойчивую надежду на скорое освобождение. И вдруг "Из огня да в полымя" - с Колымы на Печору. Но и на этот раз Королёв не сдаётся. Преследующие его на протяжении всей предыдущей жизни невзгоды укрепили такие черты его характера как напористость, настойчивость в достижении цели. Всё это проявилось в борьбе с всемогущей в те годы системой НКВД. 23 июня он пишет Верховному Прокурору СССР жалобу, подробную, эмоциональную и просит отменить решение Особого совещания и дело заново пересмотреть.

Узнав о крушении надежд на скорое освобождение, М.Н. Баланина вновь обращается к авторитетам, чьё вмешательство в судьбу её сына 1,5 года назад оказалось столь продуктивным. 13 августа 1940 г. В.С. Гризодубова на бланке депутата Верховного Совета СССР обратилась к Наркому Внутренних Дел СССР Берия Л.П. с ходатайством о пересмотре дела осуждённого Королёва С.П. Такое же обращение по тому же адресу 14 августа направил Герой Советского Союза М.М. Громов. В обоих обращениях Королёв характеризовался как талантливый конструктор и авиинженер. Видимо эта характеристика заинтересовала Берию, и он 30 августа дал поручение начальнику Главного экономического управления НКВД Кобулову разобраться и навести справки о Королёве. Выполняя это поручение, начальник следственной части ГЭУ НКВД предложил Королёву подать заявление с просьбой об его использовании по специальности. Далее всё решилось в течение 2-х не-

дель. 13 сентября 1940 г. Кобулов утвердил заключение, в котором после перечисления всех юридических предраг, произошедших с Королёвым, изложено решение: "В пересмотре дела по обвинению Королёва отказать, а осуждённого Королёва как специалиста - авиационного конструктора, подавшего заявление с предложением об использовании, перевести в Особое Техническое Бюро при НКВД СССР". 18 сентября 1940 г. Королёв из Бутырской тюрьмы был переведён в ОТБ (ЦКБ-29) при Наркоче Внутренних Дел СССР.

По условиям жизни и работы ЦКБ-29, расположенном в Москве на ул. Радио, нельзя было называть тюрьмой. Осуждённые жили в хороших бытовых условиях, хорошо питались, работали по своим специальностям. Активное время жизни с 8 до 23 часов распределялось следующим образом: с 9 до 20 часов рабочий день с обеденным перерывом с 13 до 14 час., с 20 до 23 час. - свободное от работы время. В распоряжении осуждённых была хорошо укомплектованная техническая и художественная литература библиотека. Если бы не морально угнетающие решётки на окнах, охранники во входных дверях, да ограниченные по количеству дней и времени свидания с родственниками, то лучших условий для творческого труда не требовалось.

Королёв попал в ЦКБ-29 в тот период, когда там работали три авиастроительные бригады под руководством В.М. Петлякова, В.М. Мясищева и А.Н. Туполева. Каждая бригада разрабатывала свой проект самолёта. Королёва сначала направили в бригаду Мясищева, но вскоре выяснилось некоторая несовместимость их характеров и Королёва по его просьбе перевели в бригаду Туполева, который в своё время был руководителем дипломного проекта Королёва в МВТУ. Бригада Туполева в то время разрабатывала фронтальной бомбардировщик Ту-2.

После начала войны и приближении немецких войск к Москве бригаду Туполева в конце июля эвакуировали в Омск. В этом сибирском городе на базе недостроенного автосборочного завода и эвакуированных московских авиазаводов № 81 и № 151 создавался авиазавод № 166 для производства нового фронтального бомбардировщика Ту-2 со сроком выпуска первого самолёта к концу 1941 г. Туполевская бригада заключённых из ЦКБ-29 участвовала в этих работах. Королёв некоторое время работал технологом, а затем помощником начальника фюзеляжного цеха. О жизни Королёва в Омске имеются воспоминания нескольких человек, которые утверждают, что он вёл замкнутый образ жизни, всё свободное время что-то чертил и считал на листках ученической тетради. Из следующего текста этих воспоминаний следует, что Королёв таким образом занимался проектированием будущего реактивного истребителя. Летом 1942 г. Королёв узнал, что в Казани при авиазаводе имеется спецтюрьма и что главным конструктором в этой спецтюрьме работает Глушко и он успешно ведёт разработку авиационного ЖРД. Эта информация обрадовала и воодушевила Королёва, т.к., во-первых, его партнёр по работам в НИИ-3 жив и работает и, во-вторых, в разрабатываемом Королёвым проекте истребителя на месте двигателя было пустое место, а способности Глушко в части создания ЖРД Королёву хорошо были известны. Проект реактивного истребителя может быть реализован при установке на неё двигателя Глушко, а для этого Королёву необходимо срочно перевестись в казанскую спецтюрьму. Этим он и занялся вплотную. Для организации перевода потребовалось несколько месяцев, но это было всё-таки проще, чем "перевестись" с прииска Мальдяк в ЦКБ-29, тем более что встречные усилия для перевода Королёва в Казань предпринимались Глушко и 19 ноября 1942 г. Королёв переступил порог ОКБ-16 4-го Спецотдела НКВД СССР в Казани.

Бутырская тюрьма

(Продолжение следует.)